

ГЛАВА IV. ДНЕВНИК ЖЕНЫ МАХНО. ПОКАЗАНИЯ «ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ» МАХНОВЩИНЫ. ПОКАЗАНИЯ «ТЕОРЕТИКА» ЕДИНОГО АНАРХИЗМА НЕКОЕГО ВОЛИНА (ПО КУБАНИНУ) БОЛЬШЕВИСТСКИМ ВЛАСТЯМ ПРИ АРЕСТЕ ИМИ ЕГО

Как известно, у большевиков, судя по их заявлениям, имеется дневник «жены Махно». Дневником этим большевики пользуются так, как это оправдывается их целями и задачами, связанными с тем, чтобы как можно чернее представить перед массами махновщину и ее руководителей, как можно грязнее запятнать ее и, тем самым, нанести ей, прежде всего и главным образом, удар с идеологической стороны, как революционно-освободительному антигосударственному движению украинских трудовых масс. Пользуются большевики

дневником этим под различными авторскими именами.

Так, например: некий Я. Яковлев, автор известной по своей лживости, направленной против анархизма, брошюры «Анархизм в Великой Русской Революции» пользуется этим дневником, как дневником жены Махно – Феодоры Гоенко. А М. Кубанин меняет годовую дату этого же самого дневника и пользуется им, как документом жены Махно – Галины Кузьменко.

Я лично знаю, и знают мои близкие, и сама Феодора Гоенко знает, что она женой моей никогда не была. Только преступно-политический авантюризм большевиков мог толкнуть их на то, чтобы приписать мне Феодору Гоенко в жены и использовать этот злополучный «дневничек» под ее именем против меня лично и против целого движения, - использовать его под этим авторским именем для того, что бы затем самим же заменить это имя другим, без всяких пояснений; вместо пояснений, они поставили другую, на год более позднюю дату о происхождении этого «дневничка», чуть не с прямым призывом к читателю: смотри, это новый документ против Махно и махновщины. Его автор – новая «жена» Махно – Галина Кузьменко.

Такое, поистине антиреволюционное, партийно-жульническое поведение большевиков в их передержках и разного рода подтасовках в данном вопросе, с данным «дневничком», определенно говорит за то, что большевики, получив «дневничек» это в свои руки, менее всего думали о его глупом содержании, о том, чтобы выяснить, - кому он в действительности принадлежит, кто его автор. Они решили использовать его худшие стороны со своими красками, поэтому, не стыдясь самих себя, постарались выдумать ему автора в лице, наиболее близком к Махно. Не зная имени и фамилии жены (по их выражению) Махно, они напали на имя Феодоры Гоенко и, экспромтом, окрестив ее женой Махно, приписали ей этой злополучный «дневник».

Держась этих своих партийных целей, большевики, конечно, не задумывались ни над тем, чем была Махновщина в действительности, какую роль она играла в общем процессе Великой Революции, в защите этого процесса (и в каких условиях!) от контр-революции. Не трогали их и их союзы с этим движением и их преступления в отношении к самому процессу революции. Их захватила и воодушевила глупость в этом «дневничке» и то, что автор его (это видно из выдержек, представленных нам большевиками) делал в нем свои записи не только без рассуждений, но и без точной осведомленности о всем том, что он записывал сюда. Но этой глупости «дневничка» большевики решили и до сих пор ездить.

Такое поведение большевиков в данном случае обнажает перед нами то, что в их верхах в отношении Революционной Махновщины всегда отсутствовала и революционная честь, и партийная ответственность. Отсутствие последних в жизни и деятельности большевистских верхов именно и помешало им постараться о том, чтобы снабдить свою партию вообще порядочностью, в частности, и для обсуждения этого глупого «дневничка» «жены» Махно. А это ведь было нужно, раз уж они решили кричать об этом «дневничке», писать всевозможные выдержки, якобы из него, в своей прессе, давать их разного сорта рассказчикам и баснописцам и по ним «изучать» махновщину и ее роль в Революции.

Однако, вернемся к существованию самого «дневничка» или, вернее, к выдержкам из него, которые М. Кубанин, следуя за Яковлевым и другими своими товарищами, представляет нам в своей книге «Махновщина». О них именно я считаю своим долгом кое-что сказать.

Первое. Я категорически заявляю свое опровержение того, что большевиками цитируется, якобы из этого же «дневничка», что будто бы я, руководя таким грандиозным движением, как революционная махновщина, имел привычку напиваться до пьяна, ходить по селу или деревне с гармошкой, наигрывая на ней на утеху себе и жителям. Я на гармонии не играю и никогда в жизни не играл, хотя и люблю послушать ее, когда на ней играет хороший мастер.

Еще с большей категоричностью я опровергаю то, что (опять-таки согласно дневничка) большевики утверждают, будто бы повстанцы махновцы – эти безымянные революционные борцы – добровольцы в армии движения Махновщины – получали жалование по 1000 руб. или вообще жалование. В Революц. повстанческой армии Украины (махновцев) жалование повстанцам практиковалось большевистским командованием, когда мы сообща держали фронт революции против Белого Дона и Деникина (весною 1919 г.), и когда большевики старались жалованием убить в повстанчестве дух добровольчества и вольности и разложить его или перетянуть на свою сторону под непосредственное свое командование.

На съезде повстанцев и их командования в г. Мариуполе по вопросу о жаловании, я сделал доклад и повстанчество сурово осудило принцип жалования и никогда им не пользовалось и не поддерживало восстановления его.

Не знаем мы, махновцы, и таких случаев, чтобы один из преданнейших движению, один из лучших моих помощников в руководительстве им – Семен Каретник напивался до пьяна и специально по пьянке садился на первый попавшийся пулемет, когда части стоят на отдыхе, и палил из него по месту расположения или по деревне.

В практике Семена Каретника, как и у всех моих помощников вообще, которые погибали на своем посту и заменялись другими, было правило, унаследованное ими от меня: Будучи на руководящем боевом посту, ни на кого целиком не полагаться в вопросе о состоянии вооруженных единиц, перед выступлением в поход. Всегда осмотри их, проверь сам. Особенно, правило это практиковалось у нас в отношении тех пулеметных единиц, которые во время переходов и походов, должны были следовать вместе со мной в авангарде всех сил армии. Семен Каретник в таких случаях обязательно проверял эти единицы, в особенности в зимнюю пору, когда слабое охлаждение в них могло замерзнуть. Проверял он их потому, что хорошо знал меня, что я, идущий далеко впереди армии, на случай встречи с врагом, не буду поджидать главных сил армии, а по чисто боевым соображениям, чтобы не дать врагу своевременно осмотреться и подготовиться, согласно своему и нашему положению, брошу свои части на него, хотя бы это стоило больших жертв в начале схватки именно нам, а не врагу...

Вот в этих-то случаях Семен Каретник проверял обыкновенно пулеметы путем пристрелки из них по пяти и десяти патронов, часто сам. Номера их только смотрели на него и, когда нужно, помогали ему.

При таких случаях автор дневничка, оказавшегося удобным подспорьем большевикам, для их «изучения» и «определения» революционной Махновщины, мог записать действия Семена Каретника, притом записать их без проверки или же с бессознательным злым умыслом, рассчитанным так себе, на всякий случай, на предполагавшихся неудачных практических результатах будущего в задачах движения Махновщины.

Во всяком случае, я лишний раз подчеркиваю то, что эти положения этого злополучного «дневничка» «жены» Махно ни в основе, ни в деталях своих, не содержат никакой истины, - они ложны. Фальсификаторская причастность к ним большевиков очевидна, в противном случае они давным давно положения эти сфотографировали бы и через печать дали бы их нам, благодаря чему можно было бы увидеть в подлинном свете ложь или их самих или же автора «дневничка». Но именно то обстоятельство, что большевистские верхи за 10 лет своего царствования в стране привыкли действовать успешно против своих подданных силами и средствами фальсификации, - это обстоятельство не позволяет им сфотографировать именно эти положения «дневничка» для печати, ибо они их наполнили своими выдумками, ложью, без которой бороться с нами они не могут. Это то, что делало их всегда лгунами в глазах широкой трудовой украинской крестьянской массы, которая определенно дала им, большевикам, имя «лгуны».

И это не из-за общей ненависти к их партийному политическому деспотизму. Нет, массы не впервые видят большевиков за ложью против махновцев и они так в их сообщениях изверились, что не верят уже им, когда они иногда пишут правду о чем или о комнибудь.

Мне из Украины сообщают, что в большевистской прессе появились сообщения, что ты живешь во Франции, а крестьяне, читая их, говорят: «лгут большевики, Батько Махно ближе, он в Румынии и скоро переберется на Украину к нам...»

Это крестьянское недоверие к большевистским, в данном случае, правильным сообщениям, характеризует то, как большевики вообще в своей клеветнической кампании против меня и движения Махновщины заврались перед трудовыми украинскими крестьянством (sic! - А.Д.).

Далее, гражд. Кубанин вводит в свою книгу «списочек», поданный большевистским властям, якобы «представителями» Махновщины, какими - не известно.

Содержание его следующее:

«II-XII-1920 г., в селе Андреевка, по распоряжению Махно было изрублено до 30 человек отряда из комнезаможников и сотрудииков Бердянской «чека».

«14-III-1921 г., в Мелитопольском уезде, в с. Рубашевка, по распоряжению Зинковского и жены Махно, убит комнезаможник и три милиционера.

«30-III - в селе Вербовое Больше-Токмакского уезда, по распоряжению Зинковского и Галины (жены Махно) убит один предкомисзаможных (sic! - А.Д.) и два совработника...

Из этих трех пунктов «списка», я первый пункт оставляю в сторону; так как к нему я вернусь специально.

На второй пункт, именно от 14 марта 1920 года, и на третий пункт от 30 марта, скажу, что они ложны, потому что они составлены на стержне от действий той группы повстанческих

войск, при которой находился Зинковский и жена Махно (читай – члены следственной комиссии. Н.М.).

10 марта ночью Галина Кузьменко, вследствие усталости, осталась на отдых в одной из немецких колоний, возле Новоспасовки и, следовательно не занималась делами комиссии 14 марта.

14 же марта, сводная группа повстанческих войск приняла лихую контр-атаку против 9-й красной кавдивизии под местечком Комары Мариупольского уезда.

Это расстояние более 100 верст от с. Рубашевски Мелитопольского уезда. В этой, руководимой мною непосредственно, контр-атаке (красному командованию это хорошо известно), я был тяжело ранен, и Зинковский, как начальник личной моей охраны, в это время находился при мне. Следовательно и в комиссии он не разбирал никаких дел, а тем более на 100 верст от меня.

Тоже самое должен сказать и о третьем пункте списка. 30 марта группа находилась в районе Гришино-Изюм. Галина Кузьменко в Новоспасовке на отдыхе. Это тоже расстояние отделяющее одно место от другого на добрых 120-140 верст. Прямого телефона между ними не было, чтобы армейская следственная комиссия сговаривалась с Галиной Кузьменко по своим делам. Так же самое и при Кузьменко не было партизанского отряда, который летал бы на крыльях из Новоспасовки в село Вербовое, расстояние между которыми в 69, приблизительно, верст, и мог привести ей оттуда предкомнезаможных и совработников, чтобы она, сговорившись с Зиньковским, местопребывание которого она каждый день не могла знать, и вместе с ним распорядилась бы убить этих совработников...

Из этого факта явствует то, где и кем эти пункты «списочка» составлены. Однако, Кубанин в них усмотрел (вероятно по приказу Г.П.У.) отношение Махновщины к труженикам деревни и города и подчеркивает, что это и есть «отношение кулаков к активно выступавшей против них бедноты...»

И чтобы не быть голословным, чтобы прикрыть свою партийную подлость он тут же возвращается опять к дневничку «жены» Махно (о котором в начале главы я уже говорил, что Яковлев пользуется им, как документом «жены» Махно Ф. Гоенко и за 1920 год, а М. Кубанин пользуется им как документом «жены» Махно Г. Кузьменко и за 1921 год) и говорит: «сухо и деловито описывает об этом жена Махно в своем дневнике»:

«23 февраля 1921 года, рано утром, часов в 10, наши хлопцы захватили двух большевистских агентов, которые были расстреляны».

«25 февраля. Переехали в село Маерское. Здесь поймали трех агентов по сбору хлеба, их расстреляли»... и т.д.

Об этих пунктах «дневничка» «жены» Махно (как большевики выражаются) я скажу лишь одно: будет благоприятное время для выпуска в свет моих полных записок, я восстановлю в них с точностью почти, что день-за-днем, конец 1920 и – до осени 1921 г. факты о действиях и местностях, которые, где и в каких формах были проявлены главными силами революционно-повстанческой армией Украины (махновцев), в отношении большевистских

агентов, шпионов и провокаторов, вообще, и к войскам красной армии, в частности. Теперь же я считаю лишь себя морально в праве сказать гражд. Кубанину, что он разнуздался в пользовании злополучным «дневничком» настолько, что свалил все в нем в одну кучу своих грязных замыслов против движения Махновщины и, в частности, против меня лично. В феврале месяце 1921 года, в с. Маерском повстанческие войска, в особенности из главных их сил, при которых я всегда находился со штабом, ни одного раза не останавливались.

Повторяю: здесь умышленное спутывание времени, спутывание, которое «красное» командование красных войск, сражавшихся в эти месяцы против руководимого мною революционного повстанчества, при желании восстановить историческую правду, не выгодную для лживого Кубанина, может то же самое подтвердить, ибо ему хорошо известно то, в каких районах оно концентрировало силы красных армий для окружения армии повстанцев-махновцев и где именно в эти февральские дни 1921 г. главные части революционного повстанчества и части красных армий взаимно рубились.

Итак, я возвращаюсь к самому существенному:

Отрицали ли когда-либо повстанцы-махновцы то, что они на своем пути уничтожали иногда большевистских агентов по подразверстке, а также милиционеров и председателей комнезаможных? – Я заявляю – нет! Повстанцы-махновцы никогда этого не отрицали и не намеревались отрицать. Наоборот, они всегда говорили – да, мы агентов по подразверстке убивали, да – мы председателей комнезаможных кое-где на своем пути расстреливали, как расстреливали мы так же и только кое-где и милиционеров. – Но расстреливали мы их совсем не за то, что они агенты по подразверстке, председатели комнезаможных и милиционеры из рядов бедноты. Махновцы сами представляли сплошную. бедноту. Да и не из одной бедноты составлялись и состоят агенты большевистской диктатуры. Мы уничтожали иногда всех этих агентов только за их гнусное издевательство над трудовой частью населения деревни, за их провокаторскую роль в деревнях в отношении тружеников, относившихся отрицательно к насилию и грабежу власти вообще, как таковой. За выслеживание и указание чекистским отрядам, лежавших по деревням, раненых и больных махновцев и сочувствовавших Махновскому движению тружеников-крестьян, мы их уничтожали.

Для общества зарождавшегося и «расцветающего» под пятой чекистов, нужны были провокаторы. А трудящимся, увидевшим, что провокаторы – это зло, они не нужны были. Они провокаторов ненавидели, а последние им мстили, выдавая их за злостных врагов революции в лапы наезжим чекистским отрядам, которые их сразу же хватали и, способных к ношению оружия, убивали и выбрасывали где либо в поле в канавы или запирали в тюрьмы и там уничтожали, не заботясь о восстановлении того, насколько эти труженики деревни были активны в своем сочувствии махновскому движению. Наоборот, вместо выяснения этого, чекистские отряды, будучи обмануты властью партии, еще более стервенели и вслед за уничтожением старшего члена семьи, конфисковали все ее имущество и сжигали двор.

За предательство и разного рода провокацию махновцы не щадили ни богатых, ни бедных. И это потому, что с точки зрения Махновщины, какое бы новое общество ни строилось на

месте современного прогнившего рабством общества, - все равно - новому свободному обществу предатели и провокаторы не нужны. Свободному обществу нужен труд и всестороннее для всех и каждого, затрачивающего на этом пути свои силы, одинаково равное право участия, как в построении этого общества, так и в пользовании всеми достигнутыми через него благами его.

Большевики же наоборот, представляли себе, что строить новое общество де должны все жители политически подвластной им страны, но пользоваться его благами полностью могут только они - их партия и ее послушники, рабы. Это сугубо ложное представление об идее рабочего социализма-коммунизма, которой большевики все время революции прикрывались, привело их к тому, что для жизни системы их большевистско-коммунистического общества, по крайней мере в процессе ее формирования и развития, нужны предатели и провокаторы. И большевики в русской революции будучи организованно сильными, а идейно хорошими иезуитами, быстро сделали рассадниками на теле революции нужных их власти предателей и провокаторов. За счет деятельности провокаторов они, большевики, как сила государственной власти, опутали всю бедноту. Следовательно, поскольку мы боролись с большевистской системой власти, мы боролись и с ее носителями, с агентами этих носителей и со всей их вооруженной защитой. Однако, в своей борьбе с ними мы не знаем таких случаев, чтобы всех их подряд хватать и группами или в одиночку, ставя под пулеметы, расстреливать.

Между тем мы имеем данные о том, как большевистские отряды хватали крестьян-махновцев и расстреливали именно в таком порядке, даже когда эти крестьяне складывали перед ними свое оружие.

Повстанцы-махновцы арестовывали большевистских агентов - милиционеров и председателей комнезамов, - чаще всего по заявлению населения на них, как на врагов его прав на свободу и независимость. И то мы через следственные комиссии обыкновенно опрашивали арестованных и трудовое население о том, что эти агенты большевистской диктатуры делали против него в данной местности. И арестованные освобождались нами с предупреждением, что, если второй раз на этом посту за этим гнусным, противореволюционным делом они нам попадутся, то они будут расстреляны.

Бывали случаи, когда захваченные большевистские агенты расстреливались тотчас же, когда были опрошены штабом, но к этому элементу относились только военные контр-разведчики и агенты карательных отрядов и их органов.

Гр. Кубанин утверждает, что в с. Андреевке 11 декабря 1920 года были расстреляны по моему распоряжению Бердянские чекисты с отрядом до 30 человек комнезамов. Но, я знаю, что 11 декабря 1920 года, я, с главными силами перешел через Алексеевку-Берестовая и остановился в с. Новоспасовке. А 12 декабря занял г. Бердянск и лишь 14 декабря я занял с. Андреевку, где никакой отряд нам не попадался в то время. Здесь был бой с 42 и 40 дивизиями красной армии, в результате которого (красному командованию это хорошо известно) махновская пехота и кавалерия атаковала и пленила 42 дивизию целиком, а 40 на половину, и, обезоружив их, ночью ушла в с. Каинские (sic! - А.Д.) Раздоры, где также захватила все снабжение 42 пехотной и 9 кавалерийской дивизии и остановилась на

отдых.

Но что же за чушь городит после этого гражд. Кубанин, опять спросит меня читатель?

Кубанин, в данном случае, сознательно лжет, чтобы затушевать перед трудящимися преступление бердянского отряда, который Кубанин называет отрядом комнезаможников и который по распоряжению моему действительно был окружен в с. Андреевке весной 1921 года и уничтожен.

История этого отряда такова. Он всю зиму и весну 1921 г. разъезжал по уезду и вылавливал лежавших по селам и деревням раненых махновцев. В одной из своих очередных облав в с. Новоспасовке отряд этот наткнулся в одном доме на жену старого повстанца, у которой в люльке находилось нескольких месяцев от роду дитя.

Забиравшие мать этого младенца во двор, чтобы поставить ее к стенке и убить, пьяные чекисты самого младенца не взяли, и лишь когда приготвились убивать его мать (за то только, что она жена повстанца-махновца) они вспомнили, что есть еще дитя. Они быстро вынесли этого младенца из дому и дали матери на руки.

Волнуясь и рыдая за судьбу младенца, мать его крепко прижала к своей груди. В это время зоркий глаз начальника чекистов приказал стрелять и в нее и в младенца (sic! - А.Д.). В результате – залп и мать упала с разорванным пулями своим младенцем.

И начальник, и рядовые бердянские чекисты, оставив их лежать возле стенки сарая, ушли со двора. Но соседи их подобрали... И оказалось, что мать тяжело ранена в грудь, а только дитя разорвано пулями. Факт этот ничем большевики опровергнуть не смогут.

Получив сведение об этом злодеянии бердянских чекистов в с. Новоспасовке, я распорядился выделить особый отряд из группы т. Куриленко и во что бы то ни стало словить отряд чекистов.

Долго т-щу Куриленко не удавалось поймать этот чекистский отряд. Но вот в этот район заехала сводная группа повстанческой армии под командой т. Петренко, при которой находился в это время я и штаб движения. Петренко узнает, что отряд бердянских чекистов находится в районах Андреевка-Поповка. Я сделал распоряжение одной из частей этой сводной группы сделать ночной переход в направлении точного местонахождения этого чекистского отряда и во что бы то ни стало словить его.

Отряд бердянских чекистов был настигнут на рассвете под селом Андреевка и в этом же селе, спустя час был атакован и на улицах Андреевки был почти весь перебит.

Я лично участвовал в окружении этого отряда, а затем и в атаке на него. Живыми из него попались нам лишь считанные хитрецы, прятавшиеся от повстанческих сабельных ударов, рассчитывая, что мы их примем в свои отряды, и они таким образом, спасут свои подленькие продажные душонки, а при удобном случае, очутятся снова в Бердянске в чека. Я сам выслушивал из уст этих людей сведения о их действиях вообще по району против махновцев и сочувствующих махновцам крестьян. А когда им было заявлено, что мы ведь не махновцы,

мы буденовцы, атаковали их, думая, что они махновцы, и в подтверждение этого обратили их внимание на буденовские шапки и звезды на атаковывавших их бойцах – то эти чекисты совсем распоясались и подробнейшим образом рассказали нам о бандитских злодеяниях в с. Новоспасовке, коими они и их друзья разорвали и топтали жизнь нескольких месяцев от роду дитя, вместе с его матерью, только за то, что его отец был повстанцем-махновцем, не преклонившимся перед ложью ленинизма из-под знамени чекистов в худшем смысле этого слова; перед ложью, которой чекисты, следуя заветам полиции вообще, хотели и стремились заразить все крестьянство и, таким образом, отравить его ядом преступной власти. Но не смогли. Отец разорванного дитяти был упрямый мужик в своем дерзании бороться и жить, жить и бороться во имя своей и других свободы и независимости, которые сами же большевики вместе с нами поддерживали первые месяцы Революции в народе, а в это время уже топтали их.

Суд и над этими попавшимися нам живыми, в атаке не изрубленными негодьями, был краток. Они были тут же на улицах с. Андреевки перебиты. Но Кубанин бесчестно старается отвести в сторону себя и самый отряд от времени его действий в с. Новоспасовке. Он описывает акт его уничтожения, как акт кулаков, направленный против бедноты.

Я, лично, сомневаюсь, чтобы в большевистской «ч-к», вообще, и в бердянской и ее отряде, в частности, были сплошь комнезаможники, беднота. Но если допустить, что это так – отряд бердянской чрезвычайной комиссии, уничтоженный отрядом революционных повстанцев-махновцев, состоял исключительно из бедноты; то к такой бедноте, за такие ее преступления, какие она под наускиванием и руководством партии большевиков совершала по отношению бедноты же, не признавшей за большевизмом-ленинизмом права водворять свои принципы в ее жизнь произвольно, путем физического уничтожения инакомыслящих, чем большевики, о целях и практических задачах Революции; за такие преступления этой части бедноты, другая, непошедшая за большевизмом-ленинизмом часть бедноты, должна была быть беспощадна к ней. Беспощадность эта диктовалась и диктуется всегда самой жизнью и на том основании, что беднота вся, как класс трудящихся, признана всеми революционерами, всей лучшей частью культурного человечества, той силой, через здоровый путь культурного и технического развития которой только и можно реально достигнуть побед в Революции, на пути практической замены эксплуататорского буржуазно-капиталистического общества – свободным обществом тружеников. А беднота, на силу которой обращаются все взоры, как силу прямо заинтересованную и неизменно преданную делу освобождения всех и каждого человека на земле, беднота, на которую возлагается такая великая историческая миссия, как играть роль освободительницы, а не поработительницы человечества, не должна разъединять свои силы по прихоти партии. Беднота, как класс трудящихся, должна уметь не только сохранять силы своих рядов, но и уважать и защищать в них принципы жизни, и впервые очередь из них – принцип свободы и равенства мнений.

В Великой Русско-Украинской Революции партия большевиков сознательно топтала эти принципы, а обманутая и поработенная ею беднота топтала их бессознательно. А это то, что привело их вместе к тому, что они, мало над чем задумываясь, продолжают топтать их и до сих пор, когда жестоко борются со всеми, кто осмеливается протестовать против этого. Анархисты и шедшая за ними беднота первые восстали против иезуитизма большевиков по

отношению к принципу свободы и равенства мнений в жизни Революции. Они первые же и подпали под опалу партии большевиков и ее власти. С ними первыми большевики начали бороться так, как мир социалистических идей никогда в своих учениях не помышлял. Только большевики нашли методы искусственно создавать против своих вчерашних друзей преступления и по ним обвинять их и уничтожать...

Естественно, что на вызов – были ответы. Это создало тяжелую атмосферу среди трудящихся. Но трудящиеся с той и с другой стороны не были к создававшемуся положению равнодушны. В разрешении его они принимали участие. Именно это и создало то, что беднота под знаменем революционной Махновщины так жестоко отвечала на каждый удар по ее целям в Революции, по ее жизням в защите этих целей, со стороны обнаглевшей большевистской власти, - своими ударами.

Одним из этих ответных ударов махновцев в сторону сил большевистской «чека» именно и был удар по бердянскому чекистскому отряду из комнезаможников, как Кубанин это сам подчеркивает.

Я, лично, не отрицаю жестокости в этом ударе повстанцев-махновцев по бердянским чекистам, но он был вызван худшими ударами со стороны чекистских отрядов и красной армии, по повстанцам-махновцам, по широкой, крестьянской, трудовой массе, поддерживавшей идеи Махновского движения, по ни в чем не повинным детям этой крестьянской массы.

Далее, гр. Кубанин касается в своем сочинении махновской контр-разведки. Он не говорит, конечно, что контр-разведка махновской армии была органом, обслуживавшим только армию, только ее опер. задания в революционной борьбе. Наоборот, он силится доказать, что махновская контр-разведка была органом на подобие их, большевиков, В.Ч.К., но несравненно худшим по своим действиям. И как на наиболее веские доказательства этого, он ссылается на показания о махновской контр-разведке «теоретика» набатовского анархизма Волина (В. Эйхенбаума) следователю ревтрибунала красной сов. армии № 14 во время его ареста.

Подлинные эти волинские показания, по книге Кубанина, следующие: «По поводу злоупотреблений, чинимых контр-разведкой армии Махно, - говорит в своем показании следователю ревтрибунала 14-й советской армии Волин, - я ничего не знаю; но ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контр-разведки и обращаться к Махно и в контр-разведку. Но боевая обстановка и задачи культпросветительной работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контр-разведки. Все же непрерывные жалобы принудили меня предложить реввоенсовету создать комиссию по выяснению дел, возникающих между населением и контр-разведкой. Из-за контр-разведки у меня были конфликты с Махно и с тем же Зинковским. Для меня контр-разведка была ужасом, и я делал все зависящее, чтобы прекратить чинимое ею».

Таково (по Кубанину) показание Волина большевистским властям. Несмотря на сходство стиля и выражений в этом «документике» с волинскими, я, лично, сомневаюсь все-таки, что

это есть показание Волина. Я знаю Волина и знаю, на что он способен, однако, думаю, что Кубанин занимается фальсификацией в отношении его. Мне почему-то кажется, что Волин не настолько жалок, чтобы мог, попавшись в лапы большевистских властей, сделаться таким подлым субъектом и так подло информировать эти власти о контр-разведки, услугами которой он всегда любил пользоваться, будучи в армии махновцев. В сопровождении лучших из контр-разведчиков в махновской армии, Волин уехал в ноябре 1919 г. из армии на район, где и сдался в плен именно 14 красной армии. Более того, Волин за счет контр-разведки армии махновцев завоевал или, по крайней мере, пытался завоевать, у главарей екатеринославского большевистского губпаркома (sic! - А.Д.) репутацию себе. Ведь это он, Волин, приводил главара большевистского, некоего Орлова, ко мне в кабинет и просил вместе с ним меня выдать от имени штаба армии, за моей подписью, Орлову мандат на извлечение большевиками раскрытых в особняке князя У-ва, сбежавшего в стан деникинщины, каких-то ценностей и больших денежных сумм, на идейные нужды большевистского губернского комитета. Этот же самый Волин просил меня вместе с Орловым распорядиться по контрразведывательным отделам армии, чтобы они или приняли участие по извлечению всего этого или же были в курсе дела, что в этом особняке будут работать именно большевики, а не деникинские агенты, и чтобы их не заподозрили, вместо деникинских агентов, и не схватили...

Тогда я категорически отказался выдать им, Орлову и Волину, запрашиваемый у меня мандат за моей подписью, и Орлова отпустил, а Волину сделал соответствующее замечание за его политическую и революционную нетактичность, выразившуюся в его отношениях с Орловым, да еще на почве вымогания у меня мандата, которого я, как глава движения, стоявшего уже определенно в резкой оппозиции к большевистской власти, по многим мотивам не мог выдать.

Это достаточный аргумент для меня, чтобы не верить Кубанину, что приводимое в его книге под именем Волина показание против махновской контр-разведки, были подлинно показания Волина.

Но, в то же время, когда я, подходя к этому вопросу, и аргументируя свое мнение и недоверие к Кубанину, к его сообщению, что «документик» о махновской контр-разведке исходит от Волина – в это же время передо мною встают другие аргументы, говорящие совсем другое.

А именно: Для меня абсолютно доказано, что Волин действительно был арестован и долго возим властями 14 красной армии. Следовательно, не может быть, чтобы он этими властями не был допрошен.

Далее. Волин заверил уже здесь, за границей, окружающих его политических детишек в том, что он, Волин, боролся в махновской армии с какими-то «махновскими тюрьмами». Одно из этих «детишек» как-то сболтнуло об этом перед иностранными товарищами в 1927 г. в Интернациональном Комитете Защиты анархистов.

Эти два аргумента говорят мне: какое же я имею право сказать все таки гр. Кубанину, что он занимается фальсификацией в отношении Волина, в связи с выше приведенным

«документиком» о контр-разведке? Мы, анархисты-крестьяне, не можем так разбрасываться честью своей революционности. Мы бываем грубы, но мы всегда честны и можем говорить кому бы то ни было, что он лжет, имея неопровержимые данные на это.

На основании всего вышесказанного я окончательных выводов по поводу этого по Кубанину Волинского документа делать не буду. Кубанин, вероятно, постарается мой ответ на его и его партии лживость против махновщины и меня прочитать и, очевидно, сочтет нужным дать в прессе фотографический снимок почерка, которым писалось это волинское показание.

Тогда я и махновцы вообще сделаем свои выводы и касательно Волина в роли этих показаний и касательно Кубанина в роли их пользователя.

Теперь же я должен остановиться в нескольких словах лишь на самой контр-разведке нашей армии, так как вокруг этого органа сгустилось слишком много разного сорта красок, прежде всего, по вине самих анархистов и анархистующих. Я считаю, что будет не лишним коснуться этого органа мне самому и именно в этом очерке; так как я чувствую себя в праве сказать о себе, что я был и остался чуждым заоблачных далей и в мыслях и в практической деятельности, чтобы там отыскивать анархические истины, а потому и могущему говорить об этом органе так, как этого требует истина.

Итак, что же такое контр-разведка махновской армии? – Какие ее функции? – Что она творила такового из-за чего – по приведенному Кубаниным волинскому показанию – Волину приходилось сталкиваться с Махно и с тем же Львом Зинковским (не известно, почему с Зинковским, который начальником арм. контр-разведки не был). Лицо, давшее показания следователю, ревтрибунала 14 советской армии, видимо, эти вопросы или не освещало, или Кубанин не захотел их освещение использовать.

Так вот – контр-разведка махновской армии есть орган, который настолько был необходим для вооруженной борьбы Революции с вооруженной контр-революцией, насколько он был и неблагородным органом с точки зрения, конечно, слащавой, ничего с реальной жизнью не имеющей, идеализацией кабинетного анархизма. В обязанности этого органа махновской армии входил ряд практически задач, как то: разведывать в рядах противника о его силах, роде оружия этих сил, о их передвижениях и отношениях к населению данной местности и последнего к ним, о ближайших оперативных планах штабов, под каким именем, номером, под чьим общим и групповым командованием и в каких именно местах, при каких вспомогательных технического рода средствах подготавливается, согласно планам оперштабов, к действию и т.д. и т.п.

Всюду, всегда военно-революционные формирования, их оперативные штабы, коль скоро будут вызваны к жизни ходом событий (а в том, что они бывают и будут всюду к жизни вызываться, - я не сомневаюсь), они никогда не смогут обходиться без этих «неблагородных» органов.

Но контр-разведывательная работа этих органов необходима оперативным штабам не только для работы в зоне противника, - она необходима и в своей зоне, в особенности, в

местах, расположенных близко от фронта. Штабы должны знать, и точно и своевременно знать о том, какую и какими силами ведет противник провокаторскую работу в расположении и около нашей фронтовой полосы. Какое впечатление производит эта работа на психологию масс. И группирует ли он и для чего именно группирует через своих секретных агентов вокруг себя массы. Наконец, если группирует, то где же именно. Все это контр-разведывательный орган в махновской армии должен был точно знать и давать своевременно о нем различные сведения в штаб, который мог бы во время парализовать эту деятельность противника у себя в тылу или прямо под боком.

На этом пути, за этой работой контр-разведывательные органы махновской армии были уполномочены на обыски в любом доме, расположенном в зоне военного положения и почему-либо заподозренном, а также на аресты и опросы людей, в особенности, когда таковые указываются населением или подозреваются контр-разведчиком в чем либо, касательно его, контр-разведчика, задач и, при запросе населения о нем, подозрение подтверждается. В последнем случае, ничто не могло спасти это лицо или группу лиц от задержания и производства у них самих и в их квартирах обысков, ареста и следствия.

На пути деятельности контр-разведывательных органов махновской армии бывали иногда ошибки, за которые приходилось болеть душой, краснеть, извиняясь, перед оскорбленными. Но из-за этого упразднять самые органы было бы сверх глупостью революционеров, взявшихся за дело великой борьбы трудящихся с капиталом и его слугою - государством, а вместо этого играющих в кошки-мышки.

Итак, контр-разведка махновской армии являлась, и при необходимости будет являться, - органом армии, необходимым для обслуживания армии. Она никаких своих отделов по районам живой деятельности мирного населения, занимавшегося строительством новой жизни, не организовывала и никаких инструкций - на подобие инструкций большевистской чека или деникинско-врангелевской контр-разведки - для населения не издавала.

Таково истинное существо контр-разведки и ее роли в махновской армии.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 6 апреля 2025 00:40:24

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 6 апреля 2025 00:58:08